

Л. ЭДВАРДС

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Предварительные симптомы волнений

Первый симптом приближающейся революции — рост общего беспокойства. Определенная степень беспокойства нормальна для здорового общества. Невозможно количественно определить критический уровень социального недовольства и беспокойства, знаменующий переход к патологическому состоянию общества. С течением времени всякие установленные социальные порядки становятся жесткими и неизменными. Их институты окостеневают. Элементарные человеческие потребности в приобретении нового опыта, в безопасности, в признании и одобрении, в получении ответной реакции пересекаются и противоречат друг другу. Возможностей для их реализации становится меньше, и в результате возникает общее чувство беспокойства. Но на протяжении длительного времени такая ситуация не осознается. Ощущение беспокойства на первых порах смутно и неопределенно. Никто не пытается изучить это явление или выявить его причины. Все усилия сосредоточиваются на подавлении беспокойства посредством простого передвижения или бесцельной активности. Возрастает количество путешествий, потому что путешествия и социальное беспокойство взаимосвязаны. Беспокойство увеличивает количество путешествий, а путешествия усиливают беспокойство.

Провинциал часто возвращается из зарубежной поездки с окрепшей привязанностью к собственной родине; но так происходит не всегда. У жителя Нью-Йорка после поездки в Висбаден возникает критическое отношение к Саратога-Спрингс. В свою очередь немец, повидавший ночной Нью-Йорк, выражает недовольство вечерней мрачностью Берлина. Американский конгрессмен после посещения «часа вопросов» в Палате Общин начинает сомневаться в конституционной независимости исполнительной и законодательной властей в

Лайфорд Эдвардс (1882-1984) — американский историк и социолог, представитель Чикагской школы, один из основоположников социологии революции как самостоятельного направления исследований. Читателю предлагается перевод третьей и четвертой глав книги Эдвардса «Естественная история революции» (1927). Перевод осуществлен по изданию: *Edwards L.P. The natural history of revolution: 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. P. 23-66.*

Перевод с английского О.С. Грязновой; под редакцией Н.Я. Мазлумяновой. Переводчик выражает признательность к. филос. н. Д.Г. Подвойскому за консультации и помощь в подготовке публикуемого материала.

собственной стране. Англичанин, познакомившийся с социальным равенством в Америке, теряет долю благоговейного отношения к Палате лордов. Институты своего общества выглядят по-другому с более отдаленной пространственной и социальной перспективы. Сравнения в подобных ситуациях неизбежны, и не всегда они оказываются в пользу собственного общества. Даже лояльные американцы утверждают, что в Соединенных Штатах не существует напитка, который мог бы сравниться с мюнхенским пивом.

Описанное выше влияние на конкретном примере проявляется в ситуации, когда среди местного населения появляется чужак. Общеизвестно, что при возникновении социальных беспорядков атакуемая сторона всегда утверждает, что они были спровоцированы внешними агентами и агитаторами. Подобные обвинения, появляющиеся на всем протяжении истории, содержат в себе определенный элемент истины. «Аутсайдер» не является порождением данной конкретной культурной традиции, не воспринял предрассудки, обычаи, правила благочестивого поведения и не вовлечен в общий контекст, определяющий сегодняшнее функционирование той социальной группы, в которую он входит¹. Он воспринимает ее не с точки зрения чувственного переживания, но с точки зрения разума. Институты данной общности представляются ему в более объективном свете. Он оценивает их более рационально и вместе с тем более критично. К тому же он не всегда стремится держать свои соображения при себе. Он указывает на ошибки в регулировании социальных отношений и другие недостатки. Он открывает людям глаза на их собственное несовершенство. Он проводит сравнение между данной группой и другими, более прогрессивными, с которыми ему довелось познакомиться.

Однако влияние «аутсайдера» ограничено. Против него как «аутсайдера» действуют определенные предрассудки. Его социальные контакты являются неполными. Он никогда (или почти никогда) не добивается успеха в своей агитационной деятельности, до тех пор пока сами обстоятельства не подтвердят царящую в обществе неудовлетворенность. Если подобная неудовлетворенность уже существует, «аутсайдер» имеет возможность сделать ее очевидной для всех. Однако эта полезная общественная деятельность не всегда опознается как таковая. Но ни «аутсайдер», ни член группы (insider) не могут возбудить неудовлетворенность до тех пор, пока она сама не проявится. «Аутсайдер» не столь хороший агитатор, как член группы, вернувшийся домой после пребывания в более прогрессивном обществе. Поэтому действительно мудры те индийские брахманы, которые запрещают все зарубежные поездки как представляющие опасность для кастовой системы.

¹ См.: *Simmel G. Sociologie: Untersuchungen über die Formen der Gesellschaftung*. Munich, 1922. P. 509-512.

На предварительной стадии процесса, которую мы сейчас рассматриваем, возможно, никто даже и не помышляет о какой бы то ни было революции, в том числе и сами путешественники. Они не осознают, почему путешествуют. В действительности большая часть из этих путешествий представляет собой пустое и бесцельное странствование. Путешествие Лютера в Рим было необходимым звеном в подготовке Реформации, но тогда об этом никто не знал, и менее всех сам Лютер. Ранние христиане, странствовавшие по Римской империи, не имели представления о грандиозных последствиях, которые вызовут их миссионерские путешествия. На самом деле эти последствия были широко признаны только спустя сотни лет после смерти всех двенадцати апостолов. Странствующие студенты университетов XIII и XIV веков создали почву для возникновения и развития Ренессанса, однако они никогда не осознавали этого. Среди бесчисленных тысяч рыцарей и баронов, участвовавших в крестовых походах, практически никто не понимал, насколько эти военные походы могли способствовать падению феодальной системы. Известно, что глубоко укоренившийся перипатетический дух греческих и римских философов особым образом выразился у двух или трех поколений, живших непосредственно перед падением Римской империи. Классические философы древности видятся нам как постоянно жаждущие странствий. Но имеются свидетельства, что эта склонность к путешествиям особо ярко проявилась в период между завоеванием Римом Греции и установлением Римской империи.

Французские философы на протяжении первых трех четвертей XVIII века устанавливали рекорды в сфере путешествий. Путешествия Вольтера оказали значительное влияние на развитие политической мысли Франции в период, предшествующий революции. Другие философы не намного отставали от Вольтера; «Исповедь» Руссо была написана в Англии.

Русские были известны своей страстью к путешествиям на протяжении целого века перед революцией 1917 года. Современное правительство в России состоит из людей, которые путешествовали или скитались практически по всему миру. Ленин менее чем за год до того, как стал диктатором, жил в Швейцарии. В это же самое время Троцкий жил в Бронксе. Более чем за полвека до этого путешествующие революционеры-аристократы Бакунин и Кропоткин распространяли по всей Европе информацию о репрессивном деспотизме царя.

Другим примером является еврейский народ. Евреи на протяжении их долгой и удивительной истории в большинстве своем были наиболее путешествующим, так же как и наиболее революционным народом. Самыми выдающимися революционерами из когда-либо существовавших были пророки, чьи писания составляют значитель-

ную часть Библии. Многие из них были изгнаны, и все находились под влиянием Семидесятилетнего изгнания. При всем уважении к ним можно найти еще более сакральный пример. Самый великий революционер во всем мире, тот, кому сотни миллионов людей поклоняются как Богу, был странником, которому негде было преклонить голову.

Продолжающий древнюю традицию Моисея и пророков величайший из современных революционеров Карл Маркс, «отец социализма», был евреем, прожившим всю свою жизнь в изгнании, в постоянных переездах из одной страны в другую.

Завершим эту тему обращением к истории Соединенных Штатов. Известно, что евреи поддерживали дело независимости страны, а большая часть армии Вашингтона состояла из изгнанных ирландцев и людей, живших в приграничной зоне, неутомимых первопроходцев, для которых сама мысль о стабильной жизни и постоянном доме была неприемлема.

Очевидно, что увеличение числа путешествий само по себе является предзнаменованием революции, хотя оно может значительно увеличиваться по причинам, не связанным с ущемлением элементарных потребностей. Все вышесказанное сводится к тому, что увеличение числа путешествий на самом деле характеризует любое общество, в котором назревает революционное движение.

Беспокойство в обществах подобного рода находит выражение, главным образом, в обычных путешествиях, осуществляемых представителями высшего и среднего класса. Низшая страта общества также испытывает нечто подобное, однако проявляется это несколько иначе. Увеличивается число хобо (hobos), бродяг (tramps) и попрошайек (bums). Хобо может быть охарактеризован как мигрирующий рабочий, бродяга — мигрирующий не-рабочий, а попрошайка — немигрирующий не-рабочий. Под различными названиями — «отважные плуты» (sturdy beggars), «бродяги-бездельники» (idle vagabonds), «ленивые мошенники» (lazy rogues) — эти три группы численно увеличиваются в период перед великой революцией. Они составляют значительную часть «сырого материала», из которого формируется революционная толпа. Первоначальный этап, характеризующийся ущемлением элементарных потребностей, порождает неопределенное чувство тревоги в высшем классе. Воздействие общей атмосферы на низшие классы более заметно. Безземельные крестьяне стекаются в большие города, будь то древний Рим или современная Москва. Они не ищут или не могут найти работу, обеспечивающую «прожиточный минимум». Благотворительность, как бы она ни была распространена, не может значительно улучшить положение дел. Растет количество преступлений, особенно совершаемых в состоянии аффекта. Падение нравов, умопомешательство, разводы и самоубийства принимают

размеры, которые тревожат всех моралистов. Подобные пороки не долго остаются присущими только низшим слоям. Они становятся равно распространенными и более заметными у высших классов. Применительно ко всему обществу их следует понимать как «компенсаторный механизм» — перверсии, происходящие по причине того, что нормальные способы удовлетворения потребностей блокированы. Озлобленность — это проявление человеческой энергии, которая не находит здорового выхода.

Здесь снова необходимо дать пояснение. Безнравственность, преступность, бедность и другие подобные пороки существуют в каждой цивилизации. Они могут увеличиваться до колоссальных размеров и без предстоящей революции. Наоборот, вопреки широко распространенному мнению, представляется сомнительным, что подобные пороки когда-либо были реальной угрозой хорошо устроенному социальному порядку. Сами по себе они не разрушили ни одной цивилизации. Всплески преступности и пороков появляются и исчезают в различные времена и по различным причинам. Они характерны как для молодых и полных энергии обществ, так и для старых, слабосильных, иными словами, они появляются точно так же после революции, как и перед ней. Однако все это не опровергает наших аргументов. Подобная ситуация может проявиться где угодно и когда угодно, но тем не менее значительный уровень аморальности возникает во всяком обществе, в котором назревает революционная ситуация. Как правило, зачатки разворачивающегося революционного процесса становятся заметными несколько позже, нежели рост числа путешествий, однако в рассматриваемый период данные два симптома социального беспокойства проявляются одновременно. В большинстве случаев они становятся заметными прежде, чем появятся более специфические свидетельства социальной дезорганизации.

Достаточно многочисленны и хорошо известны исторические примеры падения нравов в предреволюционных обществах. К счастью, нет необходимости подробно на них останавливаться. Распутство, проституция, низость, подлость, жестокость, сумасбродство, расточительность, коррупция, эгоизм, легкомыслие судебных органов и большей части низшего духовенства в период, предшествовавший Реформации католической церкви, вписали наиболее постыдную главу в историю христианства.

Подобный же позорный период, подробности которого мы здесь опустим, характеризовал и жизнь французского общества уже задолго до революции. Всеохватывающую развращенность как аристократии, так и пролетариата в Риме последнего века республики обличали на страницах своих произведений Саллюстий и Цицерон.

Три поколения великих русских писателей описывали общество своей страны на протяжении последних семидесяти пяти лет. Они

описывали его с точностью до мелочей, с разных сторон и в различных проявлениях с высочайшим литературным мастерством. Впечатление, которое они производили на своих читателей, было настолько тяжелым, что болезненность русской литературы стала притчей во языцех. Однако болезненность проявилась в литературе потому, что она присутствовала в обществе, описываемом этой литературой.

В английской истории безнравственность во время Реставрации была намного больше, чем во времена Якова I. Однако в период правления Якова I философ Фрэнсис Бэкон, занимавший высший пост в системе судебной власти в Англии, был обвинен в двадцати восьми случаях взяточничества. Судебное разбирательство дела об отравлении графом Сомерсетом сэра Томаса Овербури также выявило всеобщую моральную испорченность, которая может быть описана только как патологическая². Подобно двору Людовика XVI, двор Карла I по части частных отношений был несколько лучше, чем двор его предшественника, но хорошо известны его синектуры, выплачиваемые денежные пособия, расточительность аристократии. Пуританизм развивался, по крайней мере, частично, как реакция на аморальность того времени.

Перейдем к американской истории. Уважение к условностям современного патриотизма запрещает какие бы то ни было обвинения в греховности «героев 1776 года». Подобным же образом и первое поколение колонистов окружено ореолом святости, который было бы в высшей мере некорректно подвергать сомнению. Тем не менее некоторые «нелояльные и антиамериканские» историки, сведущие в жизни тех времен, сообщают о фактах, которые, по всей вероятности, могут послужить основанием для заявления, что в истории тринадцати колоний также обнаружился ряд нелицеприятных феноменов, как и в других обществах во время, предшествующее революции. Но даже если это и так, данные явления в Америке не были столь ярко выражены, как в других странах.

Третий предварительный симптом революции — это формирование определенной ментальной установки, которая известна как «уклоняющаяся диспозиция» (*balked disposition*). У людей появляется ощущение, что их законные стремления и идеалы подавляются или извращаются, что реализации их истинных желаний и целей противодействуют и препятствуют, — но они не знают, как и почему. Разочарование начинает овладевать умами все большего числа людей. Весьма значительной части населения работа перестает приносить удовлетворение, и в новых стимулах. Волнение, изначально неосознанное или подсознательное, становится явным. Люди постепенно начинают осознавать, что «не ладно что-то в Датском королевстве».

² State trials for high treason. Vol. I. London, 1794. P. 230 ff.

Но степень выраженности этого все еще незначительна. Основной характеристикой является просто неудовлетворенность установившейся в жизни рутинной, однако эта неудовлетворенность становится все более заразной.

«Беспокойство, присущее индивиду, становится социальным. Это ощущение передаваемо или, по-видимому, должно быть передаваемо от одного индивида к другому, таким образом, что проявление неудовлетворенности у А транслируется В, после чего, найдя свое проявление у В, это ощущение возвращается обратно к А, создавая тем самым цепную реакцию»³. Это «порочный круг». Каждое новое проявление неудовлетворенности усугубляет общее состояние неудовлетворенности. Данный процесс относится к числу элементарных, даже инстинктивных процессов. Психологически это похоже на поведение некоторых животных.

«Под влиянием смутного чувства тревоги или просто реагируя на жару или жажду, группа животных становится беспокойной и начинает медленно переходить с места на место, находясь при этом в кругу, это — «топтанье по кругу» (milling). Подобное топтанье по кругу является особым рода проявлением коллективного действия, выражением неудовлетворенности или страха. Топтанье стада по кругу наглядно демонстрирует то, что менее явным и очевидным образом происходит в человеческих обществах»⁴.

Впоследствии во всяком обществе подавление элементарных потребностей сохраняется на протяжении достаточно продолжительного времени. Между индивидами, пострадавшими от подобного рода подавления, возникают условия для формирования определенного рода связей (rapport). «*Rapport* означает существование взаимной чувствительности, при которой каждый член группы немедленно, спонтанно и с полным пониманием воспринимает чувства и установки любого другого члена группы». Такого рода *rapport* в больших социальных группах развивается очень медленно. «Тот факт, что А сочувственно реагирует на В и С, подразумевает наличие у А установки рецептивности (attitude of receptivity) и склонности к внушаемости (suggestibility) по отношению к чувствам и установкам В и С»⁵. Однако подобная ситуация возникает только после того, как А, В и С на протяжении достаточного периода времени переживали сходный опыт. Способ, которым мы реагируем на обращение к нам, определяется спецификой нашего прошлого опыта. Мы реагируем на наше

³ Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1923. P. 866.

⁴ Ibid., p. 893.

⁵ Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1923. P. 893.

собственное представление о внушаемом, а не на представление о нем человека, который это внушение производит.

В репрессивном обществе члены небольших локальных групп, образовавшихся случайным образом, испытывают сочувствие друг к другу благодаря общему опыту переживания угнетения. «Запреты, которые в обычных обстоятельствах служат для того, чтобы сохранить изоляцию и покорность индивидов, ослабевают или полностью разрушаются». Этот процесс, будь он даже повторяемым, является очень последовательным. Простейший тип коллективного поведения. Неудовлетворенность. Совместное выражение неудовлетворенности. Взаимопонимание. Повышение уровня неудовлетворенности через совместное его выражение и взаимопонимание. Здесь можно поставить точку. Это едва ли больше, чем «топтание» скота в стаде. Отсутствуют рациональные попытки понять суть данной неудовлетворенности. Отсутствует представление о том, как можно этому противостоять. Отсутствует мысль о революции.

Когда жизнь так беспокойна и тревожна и причины положения вещей не осознаются, наиболее решительные и активные члены группы ищут выход в эмиграции. Подобного рода эмигрантами из Рима в I веке до нашей эры была заселена большая часть Галлии. «Мэйфлауэр» и множество других кораблей переправили таких эмигрантов в Америку. Много их было во французской колонии в Канаде. Даже в колониальный период американской истории люди, не удовлетворенные стесненными условиями жизни в поселениях, расположенных на побережье, первопроходцами отправлялись на дикий Запад.

Но значение этого легко преувеличить. Причиной эмиграции из малоресурсных регионов в экономически преуспевающие могут быть просто экономические факторы. Эмиграция из Италии в Америку будет существовать, даже если социальный порядок в Италии будет настолько хорош, насколько только можно себе представить. Когда в каком-либо обществе назревает всеохватывающая социальная революция, из этого общества эмигрирует отнюдь не большая часть его решительных и отважных членов. Не все пуритане уехали в Новую Англию. Большинство осталось в старой Англии, свергло короля и отрубило ему голову. Несмотря на распространенное среди местного населения мнение, не все русские евреи живут в Нью-Йорке. Большая их часть осталась в России, где они приняли активное участие в революции.

Тем не менее эмиграция из конкретного общества является в определенных случаях формой выражения вызванной социальными репрессиями «уклоняющейся диспозиции»; в таких случаях она предшествует революции. Обстоятельства и условия эмиграции должны быть изучены особенно внимательно. Сама по себе эмиграция уже является предвестием революции. У Оливера Кромвеля было страстное

желание уехать из Англии и поселиться в Массачусетсе. Он был остановлен в порту офицерами Карла I. Если бы ему позволили покинуть страну, вполне возможно, что Карл I дожил бы до глубокой старости.

Причины эмиграции плохо поддаются анализу, и это по большей части лишает нас возможности рассматривать ее как диагностический симптом начала революции. Правда, в какой-то степени она может выступать в этом качестве, и ее следует, с должной осторожностью, принимать во внимание.

Следующий предварительный симптом, на который следует обратить внимание, — заметное увеличение благосостояния, информированности и власти у представителей угнетенных слоев общества. Это не соответствует распространенному мнению. Однако это неизменный и важный шаг в становлении предреволюционного процесса. Многие полагают, что великая революция является следствием вечно растущей нищеты и угнетения людей. Бытует мнение, будто бы угнетенные классы все больше и больше страдают от постоянно возрастающей бедности и голода, тирании и плохого руководства и это продолжается до тех пор, пока человеческая природа окажется не в состоянии все это выдерживать. Было бы преувеличением сказать, что подобная легенда абсолютно противоречит фактам. Но это преувеличение незначительно. Ущемление элементарных потребностей в течение любого предреволюционного периода не является более сильным по сравнению с предшествующими периодами жизни того же общества. Очень часто оно даже меньше, чем прежде. Но если даже в действительности ущемление и меньше, оно кажется больше, а это, в свою очередь, усиливает недовольство. Причина этого проста. В ходе обычного развития цивилизации, благодаря улучшениям, изобретениям и открытиям различного рода мастерство, объем знаний, продуктивность и благосостояние низшего класса постепенно увеличиваются. Вместе с постепенным ростом благосостояния и объема знаний его представителей происходят соответствующие изменения в верованиях и мнениях, настроениях и чувствах. Условия жизни, прежде казавшиеся терпимыми, становятся невыносимыми; институты, прежде почитавшиеся, теперь презираются. Обычаи и ритуалы, вызывавшие в прошлом благоговение, высмеиваются. Вся жизненная философия, прежде ориентированная на добродетель или даже сакральность, становится разрушительной или абсурдной.

Но подобное изменение ментальных установок является результатом экономических и культурных улучшений и зависит от них. Рост благосостояния репрессированного класса наблюдается уже до того, как какие-либо заметные изменения могут быть обнаружены в его верованиях и настроениях. Эти изменения всегда проявляются через какое-то время, и всякий раз сначала — в виде неудовлетворенности. Наблюдается пропорциональное соотношение: чем богаче

становятся члены низших слоев, тем больше они требуют социального признания, свобод, авторитета, влияния на правительство, судебные органы, церковь, институты социального контроля. Чем более образованными они становятся, тем более критически настроенными; если условия не улучшаются, критицизм перерастает в бунт. И меньшая, чем прежде, степень угнетения воспринимается как невыносимая, когда человек достигает более высокого уровня жизни или статуса. «Люди действия» особо чувствительны к любого рода дискриминации, проявляемой по отношению к ним. Поэтому часто происходит так, что революции свергают репрессивные институты как раз в то время, когда последние становятся гораздо более мягкими и нерепрессивными, чем когда-либо прежде. Подобным образом и люди становятся более революционно настроенными и больше сопротивляются угнетению, когда реальный уровень этого угнетения минимален. И это неудивительно, потому что в такой ситуации они имеют наилучшие возможности для бунта и наиболее велика вероятность того, что революция окажется успешной. Чувством, выступающим в качестве движущей силы революции, является надежда, а не отчаяние.

Некоторые исторические примеры помогут нам прояснить эти моменты. Папство XVI века, несомненно, было очень порочным, но по сравнению с папством начала X века над ним сияет ореол добродетели и святости. Папа Лев X, при всех своих недостатках, был светлым ангелом по сравнению с папой Иоанном XI. Однако религиозная революция разразилась именно во время понтификата Льва X, а не Иоанна XI. Король Англии Карл I был, бесспорно, деспотичным и властным, однако он был мягким и конституционным монархом по сравнению с Генрихом VIII. Абсолютно бесспорно, что жители Англии были более свободны и богаты при Карле I и Якове II, чем при Генрихе VIII и Елизавете. Карл I и Яков II лишились своих корон. Генрих VIII и Елизавета пользовались безмерной популярностью.

Правление Людовика XVI в свои худшие времена было несравнимо лучше правления Людовика IX. Людовик XVI отправился на гильотину, а Людовик IX числится в списке святых. Французские крестьяне, сжигавшие заживо своих феодальных сеньоров в «огненных дворцах» в 1789 году, были наиболее богатыми, наиболее образованными и наименее угнетенными крестьянами во всей континентальной Европе — несмотря на распространенное противоположное мнение. У крестьян Венгрии или Польши, которые действительно были угнетаемы, необразованны и бедны, не возникало даже мысли о революции.

Американские колонии, бунтовавшие против плохого правления Георга III, были наиболее свободными и хорошо управляемыми колониями в мире. Управленческие функции в них при Георге III реализовывались лучше, чем при прежних королях. Колонистам, объявившим

собственную независимость в 1776 г., жилось во всех отношениях лучше, чем преисполненным лояльности колонистам 1700 г.

Царствование Николая II, сколь бы репрессивно и реакционно оно ни было, являлось гуманным и прогрессивным в сравнении с царствованием Ивана Грозного. Николай II был свергнут и убит. Иван Грозный дожил до преклонных лет, обладая абсолютной властью. Одна из самых замечательных поэм русской литературы оплакивает его кончину.

Объяснение во всех этих случаях одно. Революции не происходят тогда, когда репрессированный класс находится в состоянии полной нищеты и страдания⁶. Революции происходят после того, как на протяжении продолжительного времени благосостояние репрессированного класса растет. В период, предшествующий любой великой революции, неизменно обнаруживается значительное увеличение власти, образованности и богатства репрессированных слоев общества. И это является наиболее важным симптомом будущего переворота.

Обязательные симптомы революции

Все предварительные симптомы революции, описанные в предыдущей главе, — только предостережение. Они появляются перед революцией, но это не означает, что за ними непременно последует революция. Они имели место, например, в Англии в период, предшествующий Биллю о реформе 1832 г. Однако Билль о реформе вышел как раз вовремя и предотвратил революцию.

Теперь перейдем к рассмотрению более важных феноменов, которые имеют место только в тех случаях, когда революция действительно приближается. Существует весьма значительное число этих обязательных симптомов революции, но все они в большей или меньшей степени зависят от двух главных, которые, если их распознать, дают возможность социальным диагностам с высоким уровнем уверенности предсказывать приближающийся переворот.

Первым основным симптомом революции является «смещение лояльности интеллектуалов» (*transfer of the allegiance of the intellectuals*). Авторы, издатели, преподаватели университетов, художники, учителя, священники, проповедники и все те, чьей функцией является формирование и направление общественного мнения, заражаются недовольством репрессированного класса. Чтобы оценить особую важность изменения мировосприятия интеллектуалов, необходимо рассмотреть выполняемые ими социальные функции.

⁶ Дискуссию о незначительной роли самого низшего в экономическом отношении класса, «люмпен-пролетариата», см. в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Все общества, начиная с самых ранних стадий варварства, состояли из трех социальных классов: эксплуататоров, непроизводящих рабочих (non-productive laborers) и производящих рабочих (productive laborers). Эксплуататоры — это те, кто контролирует и направляет других, живет за счет их труда, «без отдачи», как утверждают революционеры, «какого-либо эквивалента труда взамен». Производящие рабочие — те, кто осуществляет деятельность, необходимую для поддержания общества на определенном уровне развития. Непроизводящие рабочие (интеллектуалы) являются промежуточным классом, их деятельность состоит в значительной степени в поддержании и трансляции системы будущим поколениям в неизменном виде.

Число эксплуататоров мало, но они контролируют значительную, как правило, большую, часть капитала и трудовых ресурсов в обществе. Их существенной характеристикой является то, что они образуют вместе с интеллектуалами «верхушку», занимая таким образом в обществе, в котором они существуют, довлеющее положение над производителями.

Число интеллектуалов приблизительно равно числу эксплуататоров, таким образом, они составляют весьма незначительную часть общества. Они мало имеют и существуют в основном на зарплату, получаемую от эксплуататоров. Их основной функцией является создание и поддержание института «собственности», за счет которого существуют эксплуататоры. Производящие рабочие составляют подавляющее большинство в каждом обществе. Основная их часть обладает малым или не обладает ничем. Так же, как и интеллектуалы, они живут на зарплату, которую им платят эксплуататоры.

Эти три класса в разные исторические периоды были представлены в словаре революционеров под различными названиями. Сегодня эксплуататоры называются «отсутствующими владельцами», «капиталистами» или «буржуазией». Производящие рабочие известны как «рабочие люди», «рабы наемного труда» или «пролетариат». Непроизводящие рабочие именуется «интеллектуалами», «интеллигенцией» или «высоколобыми».

Ни одно из этих названий не является точным. Возможно, лучше было бы сказать, что в обществе, в котором налицо имеются волнения и «ощущение» репрессии, эксплуататорам, эксплуатируемым и интеллектуалам соответствуют репрессирующие, репрессируемые и публицисты.

Репрессирующие, число которых очень мало, могут поддерживать репрессивную систему только при наличии добровольной помощи со стороны публицистов. В обществе, которое готово к революции, репрессируемый класс всегда численно превосходит два других класса, вместе взятых. Он может доминировать над одним или над обоими классами в том случае, когда у него появляется достаточно

развитое классовое сознание и достаточная способность к организованному и дисциплинированному коллективному действию. Положение как репрессирующих, так и публицистов является весьма шатким в том случае, если сами публицисты не доверяют существующему режиму настолько, чтобы обеспечить ему несомненную поддержку.

Ни одна из репрессивных систем не возникает как таковая. Каждая система начинает свой жизненный путь как улучшение предшествующей. Она заявляет о себе как об общественно-полезной, в ином случае она не была бы принята. Но любая социальная система, сколь бы хороша она ни была на момент своего утверждения, станет, по всей вероятности, репрессивной с течением времени и развитием цивилизации. Конкретные институты, доказывая свою полезность, «продаются» обществу публицистами и становятся интегрированной частью социальной структуры. Они санкционированы законом и обычаями, религией и этикой. Когда институты становятся репрессивными, безмолвные массы первыми чувствуют притеснения, но не понимают причин происходящего. Проходит достаточно много времени между моментом, когда возникает ощущение, что какой-то институт является репрессивным, и моментом, когда публицисты теряют в него веру. На протяжении этого времени (которое занимает большую часть известной нам истории) публицисты поддерживают репрессивные институты. Но рано или поздно публицисты заражаются распространяющимся чувством беспокойства и начинают сочувствовать репрессированному классу. Часто спустя какое-то время публицисты ощущают репрессии и на себе. В такой ситуации они активно ищут объяснение причин существующего волнения. Репрессирующие не чувствуют репрессий, не понимают, за некоторым исключением, их причин. Когда публицисты убеждаются в том, что институты, которые они считали полезными, на самом деле репрессивны, они начинают нападки на них с напором, пропорциональным гневу, вызванному разочарованием в последних. Другими словами, они перестают поддерживать основания существующих институтов и начинают поддерживать основания тех институтов, которые, как они надеются и верят, должны их заменить.

Это можно проследить в дискуссии о современном классовом конфликте, в которой слово «праздный», адресованное господствующему классу, означает не только бездействие, но и, что более важно, практическую форму деятельности, понимаемую как бесполезная или вредная в определенном обществе в определенное время. Подобным образом и при таких же условиях понятие «рабочие люди» или «рабочий класс» охватывает не только работников машинного и ручного труда, но и всех тех, за исключением публицистов, кто вовлечен в деятельность, оцениваемую как общественно-полезная.

Вышеупомянутая дискуссия, возможно, поможет прояснить, почему «смещение лояльности публицистов» является одним из главных симптомов приближающейся революции. Некоторые исторические иллюстрации помогут показать важность этого «смещения».

В Римской империи никогда не было так много значительных государственных деятелей и талантливых руководителей, как в период ее заката и падения. В это время, когда империя распалась на части из-за плохой организации и некомпетентного управления, появился ряд организаторов и правителей, наиболее выдающихся из всех, которых когда-либо знала история. Но эти люди не были на службе у Империи. Они предоставили Империю ее судьбе, направив свою гениальность на создание самого значимого института социального контроля, который когда-либо был известен в мире. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что если бы эта несравненная плеяда государственных деятелей, организовавших католическую церковь, с равным усердием направила бы свои способности на реорганизацию Римской империи, то Империя могла бы существовать и сейчас, а вместе с ней и цивилизация, на тысячу лет более древняя, чем наша. В любом случае, тот факт, что люди, подобные Амвросию, Августину, Иерониму и Льву I, стали поддерживать церковь вместо мирского правительства, был верным симптомом приближающейся революции, которая заменила империю на папство.

В случае с протестантской Реформацией этапы этого «смещения» ясны: от Иоанна Парижского, д'Айи и Герсона через Колета, Мора и Эразма к Лютеру, Кальвину и Ноксу. Сначала возникает желание провести административную реформу, затем — потребность в радикальных преобразованиях, и наконец — стремление совсем разрушить старую церковь. Такое же смещение мнений публицистов наблюдалось в каждой стране, которая стала протестантской.

В случае с пуританской революцией в Англии даже самый невнимательный читатель исторической литературы не может не заметить, что позиция таких публицистов, как Элиот, Пим и Гемпден, являлась предзнаменованием прихода Кромвеля и республики.

Во Франции в 1700 году наиболее видные и одаренные публицисты, такие, как Боссюэ и Фенелон, защищали доктрину божественного права королей. Двумя поколениями позже в королевстве не было интеллектуала, который бы не критиковал эту доктрину как ложную и нелепую. Роль энциклопедистов и философов как предвестников приближающейся революции общеизвестна.

Адамс, Отис, Ли, Франклин и многие другие лидеры американской революции достигли высокого положения благодаря своей поддержке дела освобождения, по крайней мере, за десять лет до Декларации Независимости. Питт, Бёрк и многие другие в Англии поддерживали американских публицистов. Подобная антагонистическая

позиция публицистов предвещала революцию уже в 1765 году, а то и раньше. Если правительство Георга III обладало бы достаточной степенью проницательности, оно распознало бы тревожный сигнал.

Постепенное смещение лояльности русских интеллектуалов можно без труда проследить на трех поколениях. Гоголь и Пушкин были более сдержанными в отношении критики самодержавия, чем Достоевский и Толстой, а те, в свою очередь, были более сдержанными по сравнению с Кропоткиным и Горьким. У царского правительства уже за несколько десятилетий до окончательного свержения не было публичных защитников, даже второсортных. Не будь оно так безнадежно слепо, в этом факте оно усмотрело бы неизбежность своего краха⁷.

У институтов любого размера или значимости всегда есть враги. Определенный уровень критицизма вполне ожидаем и не является знаком революции или чего-либо подобного. В такой ситуации время от времени случаются единичные вспышки в небольших группах интеллектуалов — и это также ничего не означает. Но «смена фронта» большинством публицистов, длящаяся годами, чрезвычайно важна. Это одновременно и наиболее легко распознаваемый симптом грядущего переворота, и наиболее важная его причина.

Если публицисты однажды решат поддержать репрессированный класс больше, чем репрессирующих, то этим самым будет определено последующее ускорение темпов революционного движения, несмотря на то, что пока никто не ведает, что будет какая-то революция.

Одним из первых следствий изменения позиции публицистов является потеря веры в тех, кто в данный момент владеет средствами общественного контроля. Интеллектуалы, несмотря на то, что они знают о репрессиях, пока еще не понимают их причин. Будучи озлобленными и неосведомленными — до некоторой степени озлобленными по причине неосведомленности, — они, как дети, нападают на самые заметные, с их точки зрения, фигуры. Люди, в чьих руках находится власть, будучи наиболее заметными фигурами, естественно, вызывают гнев публицистов. Все вместе и каждый в отдельности они подвергаются критике в соответствии с представлением, что они являются или могут являться репрессирующими.

Видные деятели, находящиеся под ударом подобной критики, стремительно теряют уважение публики. К ним начинают относиться с пренебрежением, как к тупым и занудным. Их идеи и поступки

⁷ См.: *Olgin M.* The soul of the Russian revolution. New York, 1917; *Masaryk T.G.* The spirit of Russia. Studies in history, literature and philosophy New York, 1919. В этих работах подробно рассмотрены такие зачатки социальных волнений, как литературные и философские дискуссии и брожение умов в среде интеллектуалов.

больше не вызывают энтузиазма. Все что бы они ни делали, будет считаться неправильным. В экстремальных случаях эти люди, вне зависимости от их личного характера и заслуг, становятся объектами народной ненависти, на них могут совершаться коллективные нападения и они могут быть даже убиты.

На данном этапе публицисты, так же как и общественность, становятся жертвами заблуждения относительно «хороших парней». Они считают, что все будет хорошо, если только всем будут руководить хорошие люди. Каждый возлагает надежды на хорошего папу, хорошего короля или хорошего руководителя какого-либо иного рода. Это заблуждение естественно. Здоровые по существу институты будут работать хорошо, если контроль над ними осуществляется хорошими людьми. Но дело как раз в том, что в предреволюционном обществе институты, или хотя бы некоторые из них, в основе своей дефектны и не могут функционировать вне зависимости от того, кто ими управляет. Однако публицисты не сразу понимают, что такова сущность их общества. Они требуют смещения недостойных высокопоставленных лиц и замещения их хорошими. В некоторых случаях замещение происходит, в некоторых — нет. Результат в обоих случаях один и тот же. Репрессии, происходящие не по вине самих индивидов, сохраняются вне зависимости от замещения плохих хорошими. Единственным итогом этого оказывается то, что хорошие теряют свою популярность. Преемник Льва X Адриан VI был лучшим из существовавших пап, но тем не менее восстание против папства произошло. Фолкленд и Гайд заняли места Страффорда и Лода. Такая замена помогла спасти голову Карла I не больше, чем замещение Тюрго и Неккера Бриенном и Калонном — голову Людовика XVI.

Но в любом обществе, где большинство публицистов действительно вовлечено в восстание против существующих условий, заблуждение относительно хороших людей сохраняется не очень долго. Это проходящая фаза и, как правило, короткая.

Спустя некоторое время публицисты понимают, что реальной причиной волнений являются некоторые устаревшие элементы социального порядка. Эти устаревшие элементы в большинстве случаев, а может быть и всегда, представлены некоторой группой или слоем людей, которые незамедлительно становятся известны и затем осуждаемы как представители репрессивных и архаических институтов. Публицисты, выявив делинквентные институты, начинают на них своего рода «показательное наступление». Его техника, в общем, та же, что и техника политической кампании. Часто это наступление начинается как политическая кампания, хотя заканчивается по-иному. Политическая кампания — это что-то вроде малокалиберной имитации революции, ее холостого патрона. Людей, вовлеченных в политическую кампанию, на самом деле не беспокоит

ее результат. Предварительно обе стороны согласны принять исход вне зависимости от того, какая сторона победит, так как исход не является сущностно важным и не затрагивает их базовые потребности. Революция похожа на политическую кампанию, в которой нет подобных предварительных соглашений. Людей на самом деле беспокоит, к чему она приведет, потому что это затрагивает их базовые потребности. Следовательно, революция содержит в себе важные психологические составляющие, отсутствующие в политической кампании, однако на данном этапе техники действия во многом являются одинаковыми.

Важным шагом в развитии революции является постепенная концентрация народного недовольства по отношению к некоторым институтам и представляющим их людям. Прежде чем некий институт станет очень популярным или очень непопулярным, общественное внимание должно быть привлечено к нему и зафиксировано на нем. На ранних этапах революционного движения недовольство является бессистемным и рассеянным. Все виды институтов — правительство, система образования, церковь, экономическая организация и многие другие — подвергаются осуждению и критике. Так как недовольство направлено против слишком многочисленных и слишком разнородных объектов, оно проявляется слабо и поверхностно. Большой вклад, вносимый публицистами в революционное движение, заключается в концентрации общего чувства раздражения, которое растрачивается столь расточительно. Они фокусируют недовольство на каком-то институте или классе и фиксируют его. Этот институт или класс становится объектом народного неприятия в отличие от других институтов или классов.

В данном пункте мы приближаемся к действительной оценке интеллекта интеллектуалов. Они могут делать ошибки. Они могут концентрировать народный гнев не на том институте или классе, которые в действительности являются причиной репрессий. В подобной ситуации революционная деятельность совершается вслепую, оказываясь тщетной. Движение в целом нуждается в переориентации, что стоит большого количества усилий и времени.

И тут у репрессирующих также появляется отличная возможность предотвратить или, по крайней мере, отсрочить революцию. Если им удастся переключить внимание репрессируемого класса на какую-либо другую группу или институт, не являющиеся виновниками репрессий, и если они сумеют вызвать настолько враждебное отношение к этим другим группам или институтам, что те подвергнутся нападкам, они смогут обеспечить безопасность своему классу или институту длительное время — по крайней мере, на протяжении жизни двух или трех поколений. Пока институтам, находящимся под угрозой, еще служат способные публицисты, а также пока интеллектуалы еще не понимают, что является причиной репрессий, эта тактика, по всей вероятности, будет успешной.

Данное исследование посвящено, в первую очередь, тем великим революциям, которые победили. Но есть один пример разумно предотвращенной и отсроченной революции, который нельзя обойти вниманием.

В Англии, как и в других странах, в первой половине XV века распространение недовольства было вызвано пороками церкви. Три парламента на протяжении пятнадцати лет побуждали короля завладеть всем имуществом церкви и направить его на нужды гражданского правительства. Они аргументировали это тем, что церковь владеет третьей частью всех земель королевства, ничего не жертвует на нужды народа и что эти огромные богатства делают духовенство неспособным к исполнению его пасторских функций с должным усердием и вниманием. В этих доводах было немало истины. Жители Англии в то время и в самом деле страдали от серьезных злоупотреблений церкви. Но у духовенства не было недостатка ни в дальновидности, ни в уме. Его представители побуждали воинственного короля Генриха V к войне с Францией, а парламенту рассказывали о несметных трофеях и большом престиже, который в ходе войны завоюет Англия. С помощью проповедей и увещаний они пробуждали воинственный дух у простых людей. И их усилия имели успех. Война против Франции началась. Эта война была успешной, почти вся Франция была завоевана. Были захвачены несметные богатства. Сияние великой победы при Азенкуре полностью захватило внимание общества. Более чем на век было отложено революционное движение против церкви.

У короля Якова I, когда парламент призывал его увеличить численность армии и выступить в поддержку протестантизма в тридцатилетней войне, также была возможность предотвратить пуританскую революцию. Если бы он сделал это и победил, что вполне могло случиться, Стюартам, мечтавшим об абсолютной монархии, удалось бы, по всей вероятности, ее добиться. Пуританская революция могла бы произойти позднее, почти одновременно с французской.

Переключение общественного внимания с внутренних репрессий на развертывающиеся внешние военные действия является одним из старейших трюков в искусстве управления государством. Есть некоторые основания полагать, что русское самодержавие могло руководствоваться этим старым принципом, вступая в последнюю войну. Но, должно быть, оно забыло, что для успеха этого трюка необходим успех в войне. Поражение в международной войне ускоряет революционный процесс, как и произошло в данном случае.

Оргиастическое возбуждение — танцы, фестивали и религиозные движения — иногда заменяют международные войны, способствуя выходу общественного недовольства. Эмоциональная и ментальная энергия, как правило, проявляются одновременно. Если их выброс происходит в одном направлении, то в другом это невозможно, по

крайней мере, до тех пор, пока не пройдет достаточное время для восстановления сил. Если бы последнее царское правительство вместо того, чтобы запрещать водку, увеличило объем ее продаж и сделало бы ее более дешевой, если бы вдобавок оно предельно стимулировало в массах религиозную экзальтацию, к которой русские столь склонны, то, по крайней мере, появилась бы возможность того, что они были бы настолько истощены в умственном, эмоциональном и финансовом плане алкоголическими и религиозными оргиями, что у них не осталось бы сил для осуществления успешной революции.

Все это может показаться весьма теоретичным, и так это и есть на самом деле. Но с развитием техник правительственной пропаганды некоторые подобные оргиастические замещения революции в недалеком будущем могут оказаться включенными в область практической политики. В Соединенных Штатах на волстедизм и фундаментализм была израсходована вся эмоциональная и ментальная энергия, которая в ином случае могла бы быть направлена против некоего внушающего опасения проступка правительства.

Достоин внимания способ, при помощи которого публицисты фокусируют общественное внимание на репрессирующем классе. В общем и целом, в основе этого метода лежит популяризация скандала. Опыт газет всего мира свидетельствует, что страсть публики к скандалам поистине ненасытна. Проще всего сконцентрировать внимание общественности на наиболее заметном социальном классе. Репрессирующие как раз и являются таким классом. Общественное беспокойство создает новости по тем же причинам, что и политика. Политические темы возникают из общего недовольства. У публицистов есть «нюх на новости». Нюх на новости включает способность находить скандал. Доминирующий класс, если не по каким-то иным причинам, то по причине собственной заметности неизбежно становится блестящей мишенью. Рост его влияния, престижа, власти и доходов ведет к тому, что интеллигенция сосредоточивает свои усилия на его «разоблачении».

Вследствие этого репрессирующий класс становится объектом самых безжалостных расследований, результаты которых подвергаются огласке, а также объектом широко распространяемых и жестоких сплетен. Его слабость и несостоятельность, неосведомленность и глупость, проступки и позор, безнравственность и преступления, бездушие и легкомысленность привлекают к себе внимание ни один и ни два раза, а сотни и тысячи раз. Ни один класс никогда не подвергается таким жестоким нападениям и разоблачениям, как доминирующий класс в предреволюционное время. Разумеется, в таких разоблачениях содержится большая доля правды. Но каждый подтвержденный фактами скандальный случай преувеличивается и усугубляется за счет бесконечного его обсуждения. Всякий публицист стремится

превзойти своих коллег в количестве и качестве проведенных им исследований административных и политических махинаций. Чем более удивительные и захватывающие обстоятельства раскрываются, тем с большей готовностью информация о них заглывается публикой, что способствует повышению престижа разоблачителя. И это касается не только публицистов как класса, но и всех тех, кто транслирует скандальные истории в обществе. Поэтому помимо правдивых или несколько преувеличенных скандальных историй появляются такие, которые вовсе не имеют под собой реальных оснований. Дичайшие слухи легко расходятся, и в них так же легко верят. В этом нет ничего неестественного или необычного. Распространение скандалов и слухов типично для всех обществ и времен. В обычных условиях это не имеет большого значения. Лица и институты, на которых производятся нападки, столь многочисленны и разнородны, и так быстро сменяются одни другими, что результатом можно пренебречь. Роль скандалов и слухов в предреволюционном обществе определяется тем, что в течение длительного времени они направлены против одного и того же класса. Результатом постоянного повторения чрезмерно раздутых скандалов и безосновательных слухов является вера в них как в факты, что в свою очередь влияет на общественное мнение гораздо сильнее, чем правда.

В литературе и судопроизводстве атака публицистов на правящий класс часто достигает высокого уровня мастерства — и это в свою очередь естественно в ситуации, когда талантливые и красноречивые люди глубоко возмущены очевидным злом. Подобная «обличающая литература» является наиболее характерным симптомом грядущей революции. В ходе революционного процесса продолжается увеличение ее объемов до тех пор, пока позиции критикуемого класса и институтов, им представляемых, не будут окончательно подорваны.

Достаточно привести один или два примера подобного рода нападок. Трактаты Марпрелата и Великая ремонстрация во время Пуританской революции — лишь две иллюстрации из тысяч возможных. Американская Декларация независимости является суммарным итогом многочисленных «деклараций» и «резолуций», которые выдвигались во всех колониях, начиная с известных «Пяти резолюций» Патрика Генри 1765 г. Речи, памфлеты, проповеди, статьи, поэмы, диалоги, пьесы и другие литературные произведения, критикующие королевское правительство, которые были опубликованы в период, предшествующий вспыхиванию революции, составляют внушительную библиотеку. По ряду причин нападки на религиозных угнетателей являются особенно многочисленными и массированными. Критика публицистами церкви и священничества восходит к эпохе, предшествующей Реформации, и достигает ужасающих объемов — десятков, если не сотен тысяч отдельных работ. Нападки ранних христиан на

языческие религии и языческие общества с течением времени в большинстве своем прекратились. Однако их хватило на значительное число толстых томов.

Атаки публицистов на репрессирующий класс порождают огромное количество дискуссий. Многие из так называемых репрессирующих являются добрыми и великодушными людьми. У них есть родственники, друзья и подчиненные, которые объединяются для их защиты. Многие скандальные публикации, либо ложные, либо преувеличивающие действительность, отвергаются как теми, кого критикуют, так и теми, кто знает действительное положение вещей. Но в это время еще нет четкого разделения на две стороны или группировки. Вместо этого существует большое число неопределившихся, не вполне оформившихся групп, у которых нет четкого понимания оснований их возможного согласия. Все считают реформы желательными или, во всяком случае, неизбежными. В отношении как типа и глубины реформ, так и путей их наилучшего проведения существует множество различных мнений. Следует заметить, что речь идет только о реформах. Никто не собирается устраивать революцию и даже не думает о ней. Подобная идея либо вовсе отсутствует, либо находится на самом дальнем плане в сознании людей, вовлеченных в дискуссию. Она никогда не возникает в ходе дискуссии, возможно, за исключением случаев, когда она упоминается очень малым количеством крайних радикалов, которые слишком опережают общественные настроения, чтобы быть значимыми. По мере развертывания дискуссии и выявления различных точек зрения люди, придерживающиеся наиболее крайних взглядов, иногда выходят за рамки вербального конфликта. Начинает проявляться социальный и экономический антагонизм. Разрываются дружеские отношения. Бойкоты в деловой сфере становятся институционализированными. Встречаются даже случаи распада семей. Репрессирующий класс и его сторонники становятся объектами разных форм социального давления, вплоть до остракизма.

Поток памфлетов, поэм, пьес и другой литературной продукции составляет только видимую часть атак на репрессирующий класс, но ни в коем случае не весь этот процесс и, возможно, не самую важную его часть. Дискуссия протекает также среди «масс, не связанных с печатным словом», — людей, мнение которых формируется на основе разговоров, а не чтения. Обычно о таких людях забывают, однако их влияние, особенно во время революционного кризиса, является значимым. Нападки публицистов приводят к тому, что репрессирующие начинают защищаться изо всех сил. Они отвечают как письмен-но, так и устно. Но скоро становится очевидно, что их защита слаба. Даже если численность их и их сторонников велика, как и прежде, они слабы по той причине, что их удерживает вместе только традиционная бездумная лояльность по отношению к существующим институтам. В ходе дискуссии по поводу реформ эта лояльность истощается, пока у большей части людей не останется только оболочка от нее, хотя они часто этого не осознают.

Нет необходимости приводить развернутые примеры реформистских дискуссий, которые продолжались месяцы и годы в любом предреволюционном обществе после того, как публицисты фокусировали общественное внимание на пороках данного общества. Спор Оригена и Цельса о христианстве и язычестве является типичным для тысяч и десятков тысяч менее значительных споров, которые велись в Древнем Риме. Лютер и Экк проводили грандиозные дебаты о католической церкви, которые представляли бесчисленные религиозные дискуссии, характерные для всей западной цивилизации того времени. В период, предшествующий пуританской революции, были изданы тысячи полемических памфлетов, которые, по словам Грина, «превратили Англию в школу политических дискуссий»⁸. В учебники по американской истории вошли споры и дискуссии о колониальных свободах, происходившие в Англии и Америке в течение ряда лет до американской революции. Если работа Джонсона «Taxation No Tug-anpu» и не так хорошо известна, как «Речь о примирении с колониями» Бёрка, то это лишь подтверждает, что даже величайший полемист не многое может сделать для столь гиблого дела. Даже в условиях чрезвычайных репрессий царского правительства за периодом дискуссий последовали нападки известных публицистов на самодержавие. Дума, учрежденная после неудавшегося восстания 1905 года, использовалась главным образом как дискуссионный клуб. Но обсуждение реформ в Думе отнюдь не было обособленным явлением. Схожие дискуссии как письменного, так и устного характера происходили на протяжении двенадцати лет по всей России и во всем цивилизованном мире. Короче говоря, дискуссии по поводу реформ являются симптомом каждого предреволюционного общества.

В течение этого долгого периода дискуссий в сознании репресслируемого класса происходят важные психологические изменения. Подобные изменения вызваны чрезмерным развитием того, что Миллер называет «психозом угнетения». «Психоз угнетения» проявляется в навязчивой идее, что в мире нет ничего более важного, чем борьба с угнетением, которая должна стать единственной жизненной целью. Такова установка сознания, которое всегда ищет проблемы. Те группы, в которых она преобладает, всегда «готовы к драке». Они все время ожидают неуважения по отношению к себе, пренебрежения и несправедливости. Они видят угнетение даже там, где его нет, и сразу начинают яростно отстаивать свои права. Психоз угнетения в революционном процессе играет важную роль — он превращает более или менее пассивную неудовлетворенность репресслируемых групп в активное чувство ненависти к репресслирующим. Ненависть к общему

⁸ Green J.R. History of the English people. New York, 1881. Book VII. Chap. VIII.

врагу является самым действенным из известных средств, порождающих групповую солидарность. Публицисты своими предшествующими нападка определили репрессирующих как общего врага. Неудовлетворенность репрессируемых их долей превращается в ненависть к репрессирующим, так как дискуссии по поводу реформ, имевшие место на протяжении продолжительного времени, не приводят ни к каким результатам. В подобной ситуации они и не могут к чему бы то ни было привести. Ведь в данном случае большая группа социально-полезных людей обделена должным уважением, богатством, положением, престижем, социальным статусом, политической властью, свободой, удобствами, роскошью и всем другими атрибутами хорошей жизни, а у маленькой социально-бесполезной группы все это имеется в избытке. Единственное решение проблемы — лишить социально-бесполезных людей всех их благ и даровать их социально-полезным. Это не может быть достигнуто посредством дискуссии, голосования или каких-либо других парламентских процедур. Ни одна из сторон не примет парламентского решения. Если дискуссия обернется против тех, кто обладает всеми благами, и их забаллотировать, они будут бороться за сохранение своей собственности. Если забаллотировать тех, кто лишен этих благ, они будут бороться за обладание ими. Таким образом длительная предреволюционная дискуссия оказывается обреченной на провал.

Однако провал дискуссии является провалом самого репрессируемого класса. Этот провал порождает в сознании его членов психоз угнетения. В дискуссиях они побеждают, но независимо от силы их аргументации репрессирующие продолжают обладать всеми благами. В ходе дискуссии репрессируемый класс доказывает, что страдает от несправедливости. Однако люди не получают никакой компенсации. Не достигнув исправления ситуации, они, естественно, начинают ненавидеть тех, кто получает выгоду от несправедливости, от которой они страдают. Они начинают думать, что репрессирующие — виновники этой несправедливости, хотя на самом деле данная несправедливость порождается старыми социальными порядками.

У всех репрессируемых групп в предреволюционном обществе развивается такой психоз угнетения, которому сопутствуют ненависть к репрессирующим и внутригрупповая солидаризация. Это отчетливо просматривается в раннехристианских писаниях, направленных против язычников. Хорошо известна безжалостность к порокам древней цивилизации, содержащаяся в этих противоречивых литературных произведениях. За это их авторов заслуженно обвиняли в том, что они забыли про братскую любовь, свою первостепенную христианскую обязанность. В одном из таких полемических писаний — трактате «О зрелищах» Тертуллиана — содержится известное утверждение, что главной радостью христиан в загробном мире будет

созерцание с небесных высот мук язычников, корчащихся в адском огне. В защиту христианства следовало бы сказать, что подобное утверждение могло оправдываться внешними обстоятельствами, если таковые существовали. Две молодые христианки, из них одна — родственница Тертуллиана, на арене переполненного амфитеатра были обнажены, публично поруганы на глазах тысяч зрителей и разорваны на части дикими зверями. Пожалуй, даже отец церкви, подобный Тертуллиану, может быть оправдан в том, что желал зла преступникам, виновным в такой смерти.

О развитии психоза угнетения у противников папства на протяжении всего предреформационного периода известно всякому, кто изучает историю церкви. Иллюстрации этого можно найти в «Корабле дураков», «Письмах темных людей» и многих произведениях Эразма. Известный памфлет “*Histriomastix*” демонстрирует яркие образцы психологии всего пуританского сообщества в период, предшествующий пуританской революции. Поощрение невинных и полезных игр на улице после воскресного посещения церкви рассматривалось как подлый заговор с целью разрушить истинную религию. Своей обидчивостью и раздражительностью Вольтер и многие другие французские философы, по крайней мере отчасти, были обязаны психозу угнетения. Многочисленные препоны и проволочки, создаваемые различными парламентами для указов Людовика, в большинстве своем — следствия тех же причин. Стародавние фантастические легенды об Оленьем парке и купании в детской крови демонстрируют гротескное и ужасающее развитие этого рода психоза среди масс.

Этот психоз, получивший распространение в тринадцати американских колониях перед революцией, хорошо описан в «Письмах фермера» Дикинсона. Чрезвычайная популярность этих писем показывает, насколько точно они отражали настроения людей. Растущая обидчивость и недовольство законодательных собраний в колониях по отношению к любому проявлению королевских прерогатив без одобрения этих собраний является еще одним примером такой же ситуации. Доктор Джонсон в своем “*Taxation No Tyranny*” предлагает освободить черных рабов и обеспечить их необходимым сельскохозяйственным инвентарем, чтобы те стали фермерами и могли зарабатывать себе на жизнь. Это предложение само по себе было гуманным и, возможно, разумным⁹. Но оно было истолковано как поддержка негритянского восстания и резни владельцев плантаций, устраиваемой их рабами.

Другая техника, используемая публицистами в ходе предреволюционной дискуссии, также активно способствует росту психоза угнетения.

⁹ *Lossing B.J.* The pictorial field book of the revolution. New York, 1860. Vol. II. P. 375.

Она заключается в том, что публицисты делают сильный акцент на достоинствах и значимости репресслируемого класса. Его важность становится очевидной. Подробно изучается история для того, чтобы обосновать это на конкретных примерах. Его нынешнее существование связывается с известными народными революциями всех времен. События прошлого интерпретируются как подготовка его прихода к власти. Его достоинства преувеличиваются. Его грехи преуменьшаются или не замечаются. Он обеспечивается корпусом традиций и длинным списком героев, которые в большинстве случаев оказываются сфабрированными *ad hoc*. Несмотря на свою сомнительность, эта совокупность традиций может способствовать развитию у репресслированного класса чувства гордости и самоуважения. Это является важным фактором, создающим благоприятные условия для поддержания единства и укрепления солидарности, порождаемой сильным чувством ненависти к репресслирующим. Чем сильнее его ощущение собственной значимости, тем сильнее и ощущение жестокости репрессий и тем более резко реагирует он на каждое их проявление.

Ранние христиане были морально воодушевлены ветхозаветной традицией и убеждены, что они являются «избранным народом», подобным древним евреям. Те, кто противостоял папству в предреформационные дни, утверждали себя как реставраторов чистой доктрины и практик ранних христиан. Пуритане так же, как и ранние христиане, морально укреплялись ветхозаветной традицией и верой в себя как в Богом «избранный народ». Французы в свой предреволюционный период обращались за помощью к классической революционной традиции, сформированной латинскими народами. Они видели в Катоне, Бруте, Гракхах и других знаменитостях древности одновременно свои прототипы и идеалы. Американские публицисты предреволюционного периода использовали обе традиции — классическую и английскую. Согласно известным словам Патрика Генри, «у Цезаря был его Брут, у Карла I — его Кромвель, а Георг III может извлечь урок из этих примеров».

В ходе этого периода дискуссий репресслирующие постепенно теряют веру в себя и в свое предназначение. Они продолжают удерживать в своих руках все жизненные блага, однако у них возникает сомнение в справедливости своих прав на них. Аргументы в пользу репресслируемого класса сильны. И это умело преподносится публицистами. Это муссируется долго и основательно, и, несмотря на то, что репресслирующие продолжают находиться у власти, данное обстоятельство имеет свои последствия. Те из репресслирующих, кто достаточно умен и проникателен, понимают, что существующее положение вещей несправедливо и невыносимо. Они не хотят, чтобы все это продолжалось даже в том случае, если они против насилия или стремительных изменений. Другие, несмотря на то, что все еще являются

защитниками репрессирующей системы, ведут себя слишком нерешительно, без энтузиазма и уверенности в себе. Определенное число репрессирующих, в большинстве своем самых неумных и ограниченных, ведет себя иным образом. Они становятся более уверенными, чем когда-либо, в бесспорной справедливости репрессивного режима. Эти апологеты несправедливости морально неспособны обоснованно защищать собственное мнение. Но с тех пор, как они нашли своему положению сверхрациональные основания, такие как «божественное право» королей или «священность» собственности, это их совсем не беспокоит. Они становятся настолько реакционными и далекими от идей своего времени, что теряют всякое влияние на население, за исключением самой невежественной и суеверной его части, которую составляют крестьяне отдаленных областей.

До тех пор пока большинство репрессирующих твердо уверено в себе и в законности собственных действий, они не могут быть повержены революцией. Они обладают полной государственной и законодательной властью, авторитетом и статусом, возможностью применения религиозных и моральных санкций. Эти преимущества достаточны для сохранения их позиций на некоторое время, даже после падения их боевого духа. Когда их боевой дух высок, те же самые преимущества являются решающими при формировании защитной позиции. Будучи уверенными в собственных правах, они имеют возможность порождать подобную уверенность у остальной части общества. В таких условиях их власть крепка. Они быстро принимают решения и энергично воплощают их в жизнь. Они проявляют смелость не только на войне, но и в руководстве гражданским правительством. Армия уважает их и подчиняется им потому, что они демонстрируют как военные таланты, так и личное мужество. Они наиболее способные люди в обществе и поэтому обладают властью. Хотя их власть и остается весьма репрессивной по отношению к законным базовым потребностям низшего класса, кажется, что в целом их общественная полезность еще оправдывает их обладание властью. Все правящие классы проходят через такой период, когда они одновременно являются и репрессивными, и уверенными в себе. В большинстве случаев подобные качества правящего класса наиболее ярко проявляются примерно посередине временного отрезка между началом и концом его господства.

Христианство отнюдь не было первой среди восточных религий, попытавшихся вытеснить римское язычество с территории Западной Европы. В начале II века до нашей эры из Малой Азии пришел культ Бахуса. Он получил большое развитие в Риме и стремительно распространился по всей Италии и другим областям республики. Однако в это время властители Рима искренне верили в местных богов и в необходимость поддержания древних национальных культов. Было

издано постановление Сената, направленное против новой чужеродной религии. Ее организация была уничтожена, а места поклонения разрушены. Тысячи ее последователей были отправлены на смерть. Тысячи других были вынуждены отречься и были изгнаны. В течение короткого времени она была полностью искоренена.

Альбигойцы так же, как позднее и протестанты, несомненно, имели серьезные основания для того, чтобы восстать против папства. Но католическая церковь XIII века была вполне уверена в себе. Она была тверда в своей теологической доктрине, а ее духовенство гордилось тем, что выполняет великую роль поборника справедливости и гаранта социального порядка. Папа Иннокентий III был наиболее талантливым правителем среди своих современников. Он был тверд, умен и проницателен. Он был полон уверенности как в себе, так и в собственных делах, и мог вселять такую же уверенность в других. Вследствие этого подавление бунта не стоило ему больших усилий. Крестовый поход против альбигойцев был чрезвычайно жестоким и кровопролитным, однако он был короток и завершился полным уничтожением еретического движения.

Жакерия, крестьянское восстание во Франции 1358 г., было весьма опасным бунтом. Оно было спровоцировано и поддержано восстанием в Париже. В нем участвовало огромное количество крестьян, возмущенных угнетением. Тем не менее все восставшие крестьяне, очень быстро, чуть более чем за месяц, были полностью подавлены. Несмотря на свои недостатки, король Карл Злой Наваррский, командовавший войсками знати, был отважным человеком, талантливым генералом и мастером дипломатии. Граф Гастон де Фуа и Каптал де Буш, два других предводителя аристократии, были знаменитыми рыцарями, слава которых до сих пор сохраняется в песнях и легендах. Институт рыцарства, порождавший подобных людей, находился в стадии своего расцвета; признаков упадка не было. Французская аристократия XIV века верила в себя и в феодализм. Несмотря на то, что ее представители угнетали крепостных, они были лучшими людьми общества своего времени. Они подавили восстание быстро, жестоко и эффективно.

Правительство королевы Елизаветы Английской было авторитарным и репрессивным. Железной рукой оно подавляло любую оппозицию, будь то пуритане или римские католики. Но это правительство было талантливым, дальновидным, сильным и смелым. Оно состояло из наиболее компетентных людей страны, начиная с самой королевы. Оно выполняло важную общественную функцию по спасению Англии от внешнего вторжения и предотвращению гражданской войны. Оно очень хорошо осознавало свою ценность и было уверено, что полезно обществу. Оно оказалось способным подавить без

проблем, почти без конфликтного столкновения, три восстания, в которые было вовлечено большое число людей, побуждаемых религиозными целями.

Восстание под руководством Бэкона в Виргинии в 1676 году во многом объяснялось тиранией и плохим управлением, так же как и Американская революция, произошедшая столетие спустя. Бэкон был популярным и умелым лидером. Многие колонисты хорошо относились к его делу — практически так же, как в 1776 году. На протяжении некоторого времени ему сопутствовал успех. Однако губернатор Беркли, несмотря на непопулярность, как свою собственную, так и своего правительства, смог при помощи английских войск быстро подавить восстание.

Дело в том, что до 1763 года королевские губернаторы удерживали свою власть, часто оказывавшуюся деспотической, сравнительно малыми усилиями. Когда было необходимо защитить власть, они посылали за британскими войсками, что в свою очередь встречало очень слабое недовольство в среде колонистов. Это объяснялось тем, что до 1763 г. королевские губернаторы и британские войска были полезны и даже необходимы людям. Существовала постоянная опасность нападения на колонистов со стороны индейцев и французов. Королевские губернаторы, обладавшие реальной властью и способные в случае опасности прибегать к помощи британских войск, были необходимы для обеспечения мира и благополучия, а быть может, и для самого существования колоний. Губернаторы и их солдаты знали это и, нужно отметить, в соответствии с собственным пониманием чести делали свое дело хорошо. Индейцы были оттеснены, французские колонии в Канаде завоеваны, опасность внешнего вторжения исключена. До тех пор пока эта задача не была выполнена, королевские губернаторы совместно с британскими солдатами достаточно легко могли подавить любое восстание.

Революция против правящего класса не может быть успешной, пока его члены уверены в себе и в деле, которое они защищают. Важно обратить внимание на способ, которым публицисты разрушают их убеждения и веру в себя. Ведь репрессирующие не меньше, чем репрессируемые, зависят от интеллектуалов и их идей. Интеллектуалы являются профессиональными кураторами образования, морали и религии. Их работа состоит в том, чтобы создавать и разрушать представления об истинном и ложном, добре и зле, порочности и добродетели, моральном и аморальном, благородстве и разврате, ортодоксии и ереси, смысле и бессмыслице. В выполнении этой великой миссии они ограничены состоянием экономического развития данного общества и масштабами социальных волнений, возникающих по той или иной причине в данное время. Но в пределах этих ограничений они могут сделать многое, добываясь желаемого тяжелым и длительным трудом.

Публицисты поддержат репрессируемый класс не раньше, чем выдвинут и популяризируют посредством дискуссии новую систему знаний и моральных кодов, включающих новые стандарты мудрости и глупости. Это новое учение создается, среди прочего, для того, чтобы репрессирующие стали выглядеть нелепо как в собственных глазах, так и в глазах всех остальных. Пока в этом не будет достигнут успех, по всей вероятности, революция будет отложена, в противном случае она окажется безрезультатной. Правящий класс может выжить, даже если он сам понимает, что является тираничным. Но он не может выжить в том случае, если его заставят выглядеть глупо в собственных глазах. Репрессирующие для удержания власти могут на протяжении долгого времени сознательно совершать зло. Но они не будут совершать поступки, которые сами расценивают как глупые. Наиболее действенный аргумент против любого проявления репрессии состоит не в том, что оно безнравственно или греховно, но в том, что оно глупо и смехотворно. Подобные аргументы «проникнут в кровь» репрессирующих даже в том случае, если другие не возымеют последствий. Репрессивный порядок в любом обществе перед великой революцией является глупым и нелепым при взгляде с рациональных позиций и тираничным и несправедливым — с эмоциональных. Ничто не подрывает власть так основательно, как представление ее смехотворной, особенно в ее собственных глазах. Когда репрессирующие и их система репрессий на самом деле становятся смешными, очень просто показать им это — и интеллектуалы могут воспользоваться случаем.

Ориген, Августин и другие отцы церкви являются скучными и трудно читаемыми авторами для большинства людей — но не для всех. Их произведения интересны и полны юмора даже сегодня, когда они высмеивают ребячество и нелепость классической мифологии. В последние дни римского язычества жрецы подмигивали друг другу, совершая жертвоприношение. Они больше не верили, что по состоянию куриной печени можно судить об общественных делах. Это было незадолго до того, как они отказались от религии, которая потакала подобному рода абсурду.

«Корабль дураков», «Письма темных людей» и подобные им сатирические произведения сделали для подрыва уважения к средневековой церкви больше, нежели серьезные тома, обличающие ее пороки. Не случайно Реформация началась в годы понтификата Льва X, заявлявшего, что христианство стало для духовенства приносящим прибыль суеверием. Выражение *hocus-rocus* (фокус-покус) вместо *hoc est corpus* — самых священных для народа слов¹⁰ показывало, как

Hoc est corpus meum (лат.) — «сие есть тело мое», — говорит католический священник во время причастия (превращение хлеба в плоть Господню) — *Прим. ред.*

посредством высмеивания развивался процесс подрыва целой религиозной системы. Слово *dunce* (тупица, болван) свидетельствует о том же самом. Оно произошло от имени Дунса Скота — теолога, обладавшего высочайшей репутацией в средневековой церкви.

Даже бессистемное рассмотрение многочисленных литературных памфлетов, появлявшихся в период, предшествующий пуританской революции, убедит любого в том, что пуритане, хотя и славились чрезмерной серьезностью, не были лишены остроумия, пронизательности и способности ставить своих оппонентов в смешное положение. Они находили и раскрывали абсурдность во всех формах суеверий, за исключением своих собственных. В свете их крепкого здравого смысла доктрина божественного права королей выглядит неправдоподобной и фантастичной. Смелые и галантные кавалеры в это время носили клеймо, поставленное на них пуританами, — клеймо гуляк, мотов и фатов, неспособных к организации сколько-нибудь значительных дел. Современное американское представление об аристократии непосредственно восходит к пуританскому. В соответствии с ним аристократия в дополнение к тому, что является по сути своей несправедливой, считается также иррациональной и нелепой. Посредством простого выставления правящего класса глупым и пустым пуритане сделали для ослабления деспотизма Стюартов больше, чем при помощи всех серьезных деклараций о королевской тирании.

Возможно, американские колонии и могли быть терпимыми по отношению к диктатору, способному к управлению. Однако они не могли выносить правительство диктатора-болвана. Важным моментом, отмечаемым публицистами в Англии, и Америки, было то, что Британское правительство в своих отношениях с колониями было неадекватным и глупым. Вердикт этих известных публицистов был подтвержден историей. Этот вердикт гласит: Георг III был не столько жесток, сколько глуп. Он был больше болваном, нежели тираном. Поток подобных акций, одновременно дерзких и легкомысленных, уничтожил все уважение к королевской власти. В конце концов американцы свергли ее, и причиной этого были в равной мере ее безнадежный недостаток ума и ее реальные ошибки. Даже если американская революция не положила бы конец глупым попыткам автократического правления Георга III, англичане некоторое время спустя сами бы сделали это. Но у народа вера в глупость власти была сильнее, чем в погубившую ее безнравственность.

В предреволюционных обществах Франции и России процессы разрушения уверенности в себе у правящих классов были столь сходными, что обе страны можно рассматривать вместе. В обеих странах мы видим слабовольных самодержцев, духовно деградировавшую (*decadent*) знать и потерявшую христианский облик церковь, использующую знатных и могущественных людей. В обоих случаях имелись безгра-

ничные возможности для иронии и насмешек. Черета умных и талантливых публицистов и там, и тут воспользовалась всеми преимуществами экстраординарной ситуации. В обеих странах результат был одинаковым. Наиболее просвещенные и способные члены правящего класса открыто насмеялись над абсурдностью институтов, которым они были обязаны своим положением. В обеих странах убежденность в глупости, внутренне присущей старой репрессивной системе, не позволяла умным людям из тех, кто пользовался преимуществами этой системы, совершать действенные попытки для предотвращения ее свержения. А глупые не могли ничего сделать. Людовик XV произнес пророческие слова «Après nous le déluge»¹¹. Николай II был слишком глуп, чтобы сказать что-нибудь.

¹¹ Après nous le déluge (*фр.*) — «После нас хоть потоп». — *Прим. ред.*